

ПРЕДИСЛОВИЕ ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.1>

Расширяющаяся вселенная экономической теории¹

Георгий Б. КЛЕЙНЕР ✉

Центральный экономико-математический институт РАН, г. Москва, Российская Федерация

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация

Государственный университет управления, г. Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0003-2747-6159>

✉ george.kleiner@inbox.ru

Для цитирования: Клейнер, Г. Б. (2023). Расширяющаяся вселенная экономической теории. *AlterEconomics*, 20(1), 1–8. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.1>

Expanding Universe of Economic Theory

Georgy B. KLEINER ✉

Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russian Federation

Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russian Federation

The State University of Management, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-2747-6159>

✉ george.kleiner@inbox.ru

For citation: Kleiner, G. B. (2023). Expanding Universe of Economic Theory. *AlterEconomics*, 20(1), 1–8. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.1>

Ровно четверть века назад, в 1998 г. один из лидеров отечественной и мировой экономической мысли В.М. Полтерович опубликовал в журнале «Экономическая наука современной России» программную статью «Кризис экономической теории», в которой показал основные черты состояния экономической науки, охарактеризовав его как кризисное². За прошедшие годы статья не получила убедительного опровержения, несмотря на интенсивное расширение объема публикаций по теории экономики (с 2006 г. по 2022 г. число публикаций по направлению «Экономика. Экономические науки», по данным РИНЦ, увеличилось более чем в 4 раза). Совсем недавно, в 2022 г. один из ближайших соратников В.М. Полтеровича д-ра экон. наук Е.В. Балацкий дал еще более суровую оценку состояния всей экономической науки, включая ее теоретическое ядро, охарактеризовав это состояние как «методологический тупик»³. Выход из этого тупика Е.В. Балацкий видит в создании новой науки — социономики, представляющей «некую смесь экономики и социологии, политэкономии и типологии»⁴. Не вступая в дискуссию по поводу органично-

¹ © Клейнер Г. Б. Текст. 2023.

² Полтерович, В. М. (1998). Кризис экономической теории. *Экономическая наука современной России*, 1, 46–66.

³ Балацкий, Е. В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к социономике. *Социальное пространство*, 8(4). <https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.2>

⁴ Там же. С. 12.

сти и устойчивости такой смеси, хотелось бы все же реабилитировать экономическую теорию как самостоятельное, фундаментальное, исторически обусловленное направление экономической науки, а саму эту науку — как неотъемлемую часть общей системы структурированного социально-гуманитарного знания. Исключение экономической науки из здания гуманитарных наук привело бы, по нашему мнению, к трудноустранимой брешу и нарушило бы архитектуру этого активно строящегося до сих пор здания.

Что же представляет собой панорама экономической теории, и каковы ее взаимодействия с экономической политикой и хозяйственной практикой? Разумеется, эта тема для многогранного исследования; тем не менее в подборке статей, представленной в данном специализированном выпуске *AlterEconomics*, нашли отражение наиболее значимые точки зрения на историю, географию и перспективы развития экономической теории с учетом существующих противоречий между различными компонентами теории в сферах методологии, терминологии и типологии структурных составляющих теории.

Несомненно, методология экономической теории — краеугольный камень экономических исследований. В статье П.А. Ореховского и Р.М. Нуреева «Схоластика в экономической науке как симптом неизбежного кризиса» содержится серьезная заявка на анализ влияния методологии экономических исследований, на их результаты, траекторию развития экономической теории, а также на кризисные явления, возникающие в хозяйственной практике. Внимание концентрируется на понятии схоластичности исследования как оторванности от эмпирической практики и вместе с тем симптома нарастающих противоречий между ними. Нельзя не отметить, что в современном экономическом дискурсе методология часто играет роль Золушки и не подвергается столь жесткому анализу, как методы, модели или результаты исследования. Поэтому вопросы релевантности тезауруса, аксиоматики, правил вывода и интерпретации результатов, освещаемые в статье П.А. Ореховского и Р.М. Нуреева на примере анализа схоластичности «Суммы теологии» Фомы Аквинского¹ и книги «Политическая экономия — теоретическая основа политики КПСС» под ред. Л.И. Абалкина и др.², находятся, по нашему мнению, в центре сгустка методологических проблем современной экономической теории.

Обращение к религии как источнику нормативных представлений о функционировании и развитии экономики, содержащееся в статье С.В. Малахова «Оптимальное распределение материальных и нематериальных благ: вмененные цены семейных и религиозных обязанностей» выглядит достаточно естественно. Соизмерение материальных активов и нематериальных благ вне материальных критериев в контексте современной экономики является либо субъективным, либо конвенциональным. Привлечение схоластики религиозных императивов в примерах семейных и наследственных отношений выглядит здесь вполне убедительно и приводит к выводу, что «осознанная схоластика» может стать крайне полезной частью экономической, а точнее, социально-экономической теории и методологии. Наоборот, не осознанная автором и не представленная читателю в явном виде схоластика (что характерно для огромного большинства современных

¹ Аквинский, Фома. (2013). *Сумма теологии. Часть 2.2.* (Вопросы 47–122). Киев: Ника-Центр, 832.

² Абалкин, Л. И., Медведев, В. А. Булатов, А. Е. и др. (1989). *Политическая экономия — теоретическая основа политики КПСС: Курс лекций.* Под ред. Абалкина Л. И. Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Каф. полит. Экономии. Москва: Мысль, 606.

публикаций, каждая из которых напоминает айсберг с видимой осознанной и объясненной частью и подводной неосознанной и, соответственно, необъясненной читателю частью методологии) не позволяет корректно интерпретировать и сравнивать результаты исследований одного и того же объекта, предпринятых разными исследователями в одних и тех же целях.

Методологическая дискуссия о схоластичности нашла свое отражение в работе С.Г. Кирдиной-Чэндлер «О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов». Разделяя сомнения Е.В. Балацкого по поводу возможности использования в социально-экономических исследованиях таких дисциплин как синергетика, кибернетика, общая теория систем, ввиду навязывания ими универсальных законов функционирования, С.Г. Кирдина-Чэндлер вместе с тем отмечает, что в каждой из этих дисциплин существуют субдисциплины, учитывающие специфику социально-экономических систем (экономическая синергетика, экономическая кибернетика, системная экономика), так что в зависимости от целей исследования и уровня сложности, диктуемых стратегией исследователя, он может подбирать методологический инструментарий соответствующего уровня универсальности. С.Г. Кирдина-Чэндлер подчеркивает важность обогащения экономической теории за счет междисциплинарных взаимодействий, что предполагает не замещение экономики новой наукой, а сопряжение экономики с другими науками, такими как социология, психология, теория организации. Обмен моделями, методами, образами и схемами анализа позволит не только расширить возможности экономической теории, но и ослабить накопившиеся в ее рамках противоречия. Это не отрицает целесообразность попыток построения новых этажей здания социально-гуманитарной науки, например, общего социального анализа В.М. Полтеровича или социномики Е.В. Балацкого.

В этой связи имеет смысл обратиться к понятию канона в социально-экономических исследованиях.¹ Выделяются четыре канона: абстрактный (идеологический), конкретный (эмпирический), когнитивный (гносеологический) и проективный (праксеологический).² Выбор того или иного канона при проведении исследования в значительной степени определяет позицию исследователя по отношению к двум магистральным вариантам развития экономической теории в целом: синтезу экономики с соседними науками при сохранении карты научно-дисциплинарного пространства или замещению экономики новой интегративной дисциплиной. Абстрактный, а также проективный каноны позволяют рассматривать исследуемое экономическое явление «в чистом виде» с теоретической точки зрения, в том числе, с точки зрения «надстроечных» («надэкономических») теорий. Конкретный, а также когнитивный каноны предполагают учет тесной связи ис-

¹ Райнерт, Э. (2011). *Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными*. Москва: ВШЭ (ГУ), 384; Автономов, В. С. (2013). «Другой канон» в истории экономической мысли. Финансы и реальный сектор: взаимодействие и конкуренция. *Материалы IX Международного симпозиума по эволюционной экономике*. 8–10 сентября 2011 г. Россия, Московская обл., г. Пушкино. Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной. Москва, Институт экономики РАН, 2012. Санкт Петербург: Нестор-История, С. 57–67.

² Клейнер, Г. Б. (2021). *Экосистемный подход как магистральная линия развития экономики в эпоху цифровизации. Развитие экосистемного подхода в концептах и терминах новой экономики: монография*. Южный федеральный ун-т; науч. ред. М. А. Боровская, В.В. Вольчик, Г.Б. Клейнер, Н.Н. Лябах, Л.Г. Матвеева, М.А. Масыч, А.Ю. Никитаева. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета. С. 13–19.

следуемого предмета с его институциональным и функциональным окружением, что соответствует междисциплинарному методологическому подходу.

Палитра методологического разнообразия современной экономической теории представлена в данном выпуске журнала рядом значимых статей.

В статье Ю.Г. Лавриковой, О.Н. Бучинской и Ю.Г. Мысляковой «Теория хаоса: расширение границ экономических исследований» содержится систематизированный обзор применения концепции и моделей хаоса в перспективных экономических исследованиях. Рост числа публикаций, опирающихся на применение теории хаоса в экономике, можно связать с расцветом поведенческой экономики, принципиально отказывающейся от традиционных аксиоматических предпосылок при описании поведения агентов. Философской базой «хаотического» направления экономической теории можно, по нашему мнению, считать античные концепции хаоса как первоначальной субстанции, содержащей в рассеянном виде информацию о прошлом и будущем развитии Вселенной. В условиях усиления турбулентности и возрастания неопределенности экономических процессов на всех уровнях общества теория хаоса становится все более востребованным инструментом для исследования экономических явлений.

В определенном смысле к данному направлению примыкает статья Д.П. Фролова «Сложностно-ориентированная повестка дня для институциональной экономической теории». Первичными объектами исследования здесь являются не материальные экономические блага и не автономные экономические агенты, а относительно самостоятельные экономические институты, находящиеся в сложных эволюционирующих взаимодействиях как между собой, так и с экономическими благами и агентами. Автор темпераментно призывает к расширению сферы традиционного для экономической науки XX в. и ограниченного в определенном смысле «институционалистского воображения» и отказу от редукционизма, чрезмерно упрощающего мир институтов цифрового общества. Асимптотически это приводит, по нашему мнению, к модели «институционального хаоса» как некоторой инкубационной среды, в которой зарождаются и развиваются протоинституты. Представляется, что реализация такого призыва способна дать новый толчок развитию институционального направления экономической теории, а вместе с ним и экономической теории в целом.

Концепция хаоса находит отражение и в статье Д.Н. Варакина «Что такое устойчивое знание?». Предметной сферой исследования здесь служит массив экономических знаний и происходящие в нем процессы, — как медленные, эволюционные, так и взрывные, революционные. Концепция оборота знаний в социально-экономическом пространстве, представленная в статье, может быть интерпретирована как когнитивное взаимодействие системы с ее непосредственным окружением в виде проникновения внешних знаний внутрь системы и, соответственно, внутрисистемных знаний в окружающую среду. В обоих случаях, как показывает на примерах Д.Н. Варакин, такие обмены могут принимать взрывные формы и носить дестабилизирующий характер. Теория двойственности внутреннего наполнения и внешнего окружения социально-экономических систем (Клейнер, 2019)¹ могла бы, по нашему мнению, послужить методологическим инструментом для развития когнитивного направления в экономической теории и пролить свет на проблемы

¹ Клейнер, Г. Б. (2019). Принципы двойственности в свете системной экономической теории. *Вопросы экономики*, 11, 127–149. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-127-149>

хрупкости / устойчивости опорных точек социально-экономического знания. В современном информационном мире проблемы баланса внутри- и внешнесистемной информации, по всей видимости, не могут быть решены только с помощью приемов пропаганды и контрпропаганды или регулирования каналов доступа. Поскольку речь идет о человеческом сообществе, находящемся по обе стороны системных границ, выход видится в обращении к более активному использованию интеллектуального потенциала человека, а точнее, к тому качеству его интеллекта, которое характеризуется понятием «мудрость». Мудрость может послужить своего рода системным фильтром процессов взаимодействия общественного знания и человеческого сознания.

Наряду с поиском новых оснований для дальнейшего развития экономической теории продолжается процесс применения к современным социально-экономическим исследованиям классических парадигм, фокусирующих внимание на тех или иных экономических явлениях, которые, согласно данной парадигме, являются системообразующими. В статье Вэй Сяопин (Wei Xiaoping) «Understanding the modern world with Marx's political economic critical thinking» («Применение политико-экономической теории Маркса для анализа современного мира»), следуя методологии Маркса, автор рассматривает противоречия современного транснационального капитализма. Опора на данный подход позволяет выявить альтернативные пути развития мировой экономики с учетом неоднозначного влияния приливов и отливов таких процессов как глобализация, информатизация, цифровизация.

Современные и исторические представления об устойчивом развитии как об основном качественном критерии рациональности экономической политики, изложенные в статье М.Е. Кадомцевой «Концепция устойчивого развития: эволюция теоретических подходов и современное видение», выводят на широкий круг проблем согласования стратегических решений как в сфере межгосударственных отношений, так и в области национальных институтов взаимодействия человека, социума и природы. Требования ESG (*environment-social-governance*) или экологического, социально-ответственного, корпоративного управления приобретают характер императива при определении путей социально-экономического странового развития.

Границы водораздела между экономической теорией и экономической идеологией в разных странах выглядят по-разному. Предпочтения, диктуемые официальной экономической идеологией, безусловно, находят отражение в экономической теории, в то время как формы этого отражения зависят от национальных традиций и национальной культуры. В современном Китае, как показано в статье О.Н. Борох «Приоритеты экономического развития Китая в современной официальной идеологии», первостепенное значение приобретает комплекс «экономических идей Си Цзиньпина», где в обобщенной форме сформулированы концептуальные подходы к анализу и результативности социально-экономического развития КНР. Этот документ, с одной стороны, определяет вектор экономической политики, с другой, формулирует требования к национальной экономической теории. Примечательно, что на ближайшие годы именно этот комплекс будет играть роль относительного инварианта в условиях изменений как в национальной экономической политике, так и в национальной экономической теории. Складывается впечатление, что национальные черты имеет не только содержание разрабатываемой для Китая экономической теории, но и само понятие «экономическая теория». Разрыв между экономическим мировоззрением (видением структуры экономики), экономиче-

ской идеологией (системой предпочтений различных вариантов развития) и экономической теорией в общественном сознании КНР, по-видимому, минимален.

Представляется естественным, что в корпус публикаций, посвященных развитию экономической теории, включена статья В.Б. Криштаносова и Н.А. Бровко «Концептуально-аналитические подходы к возникновению потенциальных угроз в цифровой экономике». Неопределенность, связанная с неконтролируемым внедрением цифровых технологий во все сферы экономической жизни, способна внести коррективы как в теоретическое объяснение отдельных экономических феноменов, так и в рекомендации по формированию экономической политики и организации функционирования экономики, продиктованные теорией. Содержание статьи лишней раз напоминает нам о неустранимом пространственно-временном разрыве между экономической теорией и экономической реальностью.

Статья И.В. Розмаинского, Н.Н. Денисовой и В.А. Плотниковой «Динамика финансовой хрупкости компаний нефинансового частного сектора США» является, как нам кажется, образцовым примером аккуратности и осторожности в интерпретации и проверке теоретических гипотез на основе эмпирических данных. Авторы воздерживаются от безапелляционных выводов о динамике и факторах накопления доли финансово хрупких фирм по мере приближения макроэкономического или финансового кризиса. Статья иллюстрирует неоднозначную связь между теоретическим описанием и эмпирическим измерением сложных экономических процессов.

Подведем итоги. Пространство экономической теории имеет сложную многоуровневую структуру. Каждый фрагмент этого пространства характеризуется целым рядом параметров, указывающих на объект теории, принадлежность к определенной парадигме, принятые предпосылки и т. д. (см. (Клейнер, 2001))¹. Несмотря на разнообразие, это пространство трудно уподобить мозаике, поскольку отдельные его фрагменты далеко не всегда прилегают друг к другу. Более адекватным образом был бы архипелаг, острова которого не очень далеки друг от друга, но все же разделены многочисленными протоками. В отличие от островов архипелага, отдельные экономические теории не закреплены на одном месте и подобно айсбергам дрейфуют, соединяясь иногда надводными или подводными частями в междисциплинарные комплексы. В этих условиях опора на применение экономической теории для решения хозяйственных вопросов сталкивается с теми же проблемами, которые вынуждены решать полярники, строящие на льду зимовки для длительных работ. И тем не менее в современном переменчивом и турбулентном мире, где пересекаются экономические процессы, рушатся экономические проекты, превращаются в развалины экономические объекты, а экономическую среду наполняют черные лебеди непредсказуемых тектонических сдвигов, экономическая теория должна сыграть роль фундамента, амортизирующего социально-экономические потрясения. Актуальная задача развития экономической теории — создание устойчивой платформы для синтеза разобобщенных на сегодняшний день направлений и подразделений расширяющейся экономической теории. Единство мира должно найти адекватное отражение в единстве экономической теории. Тенденции разбегания отдельных дисциплин экономической теории должны быть противопоставлены работы: а) по укреплению ее фундамента

¹ Клейнер, Г. Б. (2001). Экономико-математическое моделирование и экономическая теория. *Экономика и математические методы*, 37(3), 111-126.

на базе системы духовных ценностей и нравственных основ экономики; б) по строгости междисциплинарных перемычек между дисциплинами; в) по усилению востребованности достижений экономической теории со стороны экономической политики.

И последнее. Критерием истины экономической теории, как учили нас классики, является практика, т. е. результаты применения теории в хозяйственной деятельности. Проблема, однако, в том, что критерием экономической истины является не индивидуальная или групповая, а общественная практика. Общество же — это не только мы и наши современники, но и наши предки и потомки. Поэтому сделать вывод об эффективности или неэффективности применения тех или иных теоретических положений можно, только опираясь на историю исследуемой системы, ее географию и особенности ее хронологии.

В одном из своих интервью академик Т.И. Заславская, отвечая на вопрос корреспондента, насколько часто внедряются в жизнь ее предложения, повергла его в смущение своим ответом: «Почти всегда». И добавила: «Но через 20 лет». То же самое происходит с результатами экономической теории в России и сейчас. Хорошо это или плохо? Бросает ли это тень на экономическую теорию или на управление экономикой? Универсального ответа на эти вопросы нет. Экономическая политика — слишком сложный и серьезный процесс, в котором цена ошибки наверняка высока. Поэтому применение последних достижений теории (независимо от того, получены ли они крупным ученым-экономистом, опытным управленцем или же искусственным интеллектом, заимствованы ли они из практики развитых стран или из своего исторического прошлого) не может быть автоматическим процессом: здесь необходимы и определенная осторожность, и серьезная подготовка, и неизбежный лаг.

Знакомство со статьями данного выпуска позволит читателю не только углубить теоретические знания, но и более взвешенно подходить к процессам применения теории при разработке экономической политики, принятии управленческих решений, проведении мероприятий по улучшению хозяйственной практики.

Поддержка развития экономической теории является сегодня императивом времени. В цепочке «экономическая теория — экономическая политика — управление экономикой — хозяйственная практика» экономическая теория играет роль слабого звена. В экспертном и научном сообществе бытует разное отношение к компонентам этой цепочки. Одни считают наиболее важной составляющей экономическую политику, другие — вырабатываемые на ее основе управленческие решения, третьи признают только конкретные результаты экономической деятельности, и лишь небольшая относительно когорта четвертых рассматривают экономическую теорию как своеобразную «царицу экономики» (см. здесь¹ более подробную классификацию точек зрения по этому поводу). В реальности же внимание к экономической теории ослабевает, если сравнивать ее с тем вниманием, что уделяется экономической политике, управлению экономикой и хозяйственной практике. Кафедры и департаменты экономической теории в вузах сокращаются, курсы по истории экономических учений практически вымываются из учебных программ. В исследовательских институтах, подведомственных Минобрнауки и находящихся под научно-методологическим руководством РАН,

¹ Клейнер, Г. Б. (2001). Экономико-математическое моделирование и экономическая теория. *Экономика и математические методы*, 37(3), 111–126.

тематика экономико-теоретических исследований не поддерживается в должной степени. Пример: хорошо известен Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, но подобного ему Института экономической теории в России нет. Востребованность экономической теории со стороны экономической политики критически низка. Разработка и принятие законов и других нормативных актов, касающихся экономики, должно, по нашему мнению, опираться на теоретическое обоснование предлагаемых мероприятий со ссылкой на конкретные положения экономической теории. Следует разработать масштабную программу развития экономической теории, приблизив ее статус к статусу национальных проектов. Формирование и реализация такой программы с учетом высокого потенциала российских ученых-экономистов, работающих практически во всех крупных городах страны, стало бы мощным фактором развития экономики в современных геополитических и геоэкономических реалиях.

*С наилучшими пожеланиями,
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук
Г. Б. Клейнер*